

ИНСТИТУТ АТАЛЫЧЕСТВА В ПОСТЗОЛОТООРДЫНСКОМ МИРЕ

А.В. Беляков^{1а}, А.В. Виноградов^{1б}, М.В. Моисеев²

¹ *Институт российской истории Российской академии наук*

Москва, Российская Федерация

^а *belafeb@gmail.com*

^б *avinogradov1957@yandex.ru*

² *Учебно-научный центр социокультурных проектов*

Москва, Российская Федерация

maksi-moiseev@yandex.ru

Цель: изучить институт аталычества в Крымском, Сибирском и Казанском ханствах и Ногайской Орде.

Материалы исследования: опубликованные и неопубликованные источники: разрядные книги, летописи, актовый материал, дипломатические документы, данные археологии и т.д.

Результаты и научная новизна: институт аталычества до настоящего времени практически не исследовался. Авторами была предпринята попытка рассмотреть данное явление на примере Крымского, Сибирского и Казанского ханств и Ногайской Орды. Были также учтены свидетельства о наличии аталыков при служивых Чингизидах в России.

Авторам удалось показать, что аталыки являлись сложным и многогранным инструментом в борьбе ханов с главами подконтрольных им элей. Статус аталыка зиждился исключительно на личной преданности и привязанности воспитателя и воспитанника. Но эта связь была выгодна двум сторонам. Чингизид получал верного проводника своей политики, готового выполнить самое щекотливое его поручение. Воспитатель же автоматически повышал свой социальный, а вместе с ним и материальный статус, помогал родственникам сделать карьеру, а это в свою очередь помогало хану обуздать претензии родовых элит в принятии тех или иных дел.

Рассматриваемое нами явление не проходило на всем пространстве Дешт-и Кыпчака, но имело множество региональных особенностей. Поэтому становление и развитие института аталычества, рассмотренное нами, по преимуществу, на примере Крымского ханства, нельзя считать эталонными и автоматически переносить на иные территории. Хотя, конечно же, здесь имелись определенные общие черты. Со временем обнаружение новых документов и привлечение сведений о данном явлении в иных регионах помогут нам существенно дополнить получившуюся картину.

Ключевые слова: Русское государство XVI–XVII в., Крымское ханство, Сибирское ханство, Казанское ханство, Ногайская орда, аталыки, Чингизиды

Для цитирования: Беляков А.В., Виноградов А.В., Моисеев М.В. Институт аталычества в постзолотоордынском мире // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 2. С. 412–436. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.412-436

До настоящего времени мы более чем слабо понимаем ту или иную восточную титулатуру и функции людей ею награжденных. Не является исключением и образ аталыков. Для начала следует определиться с общим понятием института аталычества.

Институт аталычества

Аталычество (тюркск. аталык – вместо отца, от ата – отец, в русских источниках – дядька или мамич) – обычай, по которому знатные родители отдавали своих детей (как правило, сразу же по их рождении) на воспитание, был распространен среди многих народов на Кавказе, у древних кельтов, арабов, в Крыму, Ногайской Орде, среди славян, в Казани, Астрахани, Сибири. Возращение воспитанника в родную семью происходило по достижению определенного возраста (у одних народов – зрелости, у других – 7–8 лет) в торжественной обстановке и сопровождалось обменом подарками между воспитателями и родителями [17]. Более всего данный институт изучен у кавказских народов. Р.Р. Аветисян выделяет четыре его разновидности:

1. *По молочному родству*. Этот обычай наиболее распространен. Ребенок сразу же после появления на свет или через неделю передавался на воспитание в другую семью. Жена аталыка, как правило, кормила грудью и своего, и чужого ребенка. Но если молока обоим детям не хватало, то предпочтение отдавалось второму.

Исключительная прочность аталыческой связи была обусловлена не столько фактом кормления и установления молочного родства, сколько многолетним воспитанием и искренней привязанностью сторон, данные связи могли быть сильнее кровных. Высоко почиталась кормилица, любую просьбу которой были обязаны выполнить. В ряде случаев ханские (царские) дети, по видимому, оставались в семье родителей, а его воспитатели переселялись во дворец или жили поблизости.

2. *«Плата за кровь»*. Использовалась как наиболее действенное средство примирения кровников. Обычай примирения кровников путем воспитания ребенка одной из сторон носил название «принятия кровника». Браки между такими родственниками были запрещены.

3. *Традиция гостеприимства*. Заключалась в том, что невесту вели не сразу в дом жениха, а временно помещали ее в «чужой» дом. Хозяин дома, где будущая супруга проводила некоторое время, также делался аталыком и приравнивался к воспитателю. При такой разновидности аталычества также имеются определенные экзогамные запреты.

4. *Наставничество*. В данном случае аталыка выбирал себе взрослый человек, или же, наоборот, аталык брал себе на воспитание юношу. К аталычеству такого вида чаще всего прибегали в возрасте от 9–10 до 25–30 лет. Оно было известно на Кавказе вплоть до 1917 г. [1]

Аталыки порой имели очень большой вес и пользовались значительным доверием правителей. Через них часто велись наиболее секретные дипломатические переговоры. Им поручали наиболее ответственные миссии. Молочное родство не позволяло претендовать на трон своего названного родственника. В свою очередь их положение и благосостояние напрямую зависели от титулованного воспитанника. Известен данный институт и в России. Аталыки неоднократно упоминаются в связи с Чингидами. При этом они занимали высокое положение во дворах своих воспитанников. В случае крещения Чингида его аталык, сохранивший веру предков, покидал его двор и испомещался московским царем (великим князем). Тогда их наделяли землями в Мещере. Можно предположить, что в ряде случаев аталыков выбирали среди соплеменников матери ребенка. Подобная практика, скорее всего, существовала и в Казани.

Ногайская Орда на протяжении долгого времени оказывала большое влияние на сопредельные государства. В том числе и посредством браков на дочерях ногайских мирз из рода Эдиге (Идегея). Заинтересованность в ногайской военной силе и тесные связи по женской линии стимулировали частый выбор аталыков в Ногайской Орде. В первую очередь это справедливо по отношению к астраханским и, по-видимому, казанским Чингизидам. Посредством этого они оказывали значительное влияние на политику данных государств. Крымские ханы часто брали в аталыки для своих детей адыгов Северо-Западного Кавказа. Именно оттуда многие ханы брали жен и имели с данным регионом тесные политические связи [29, с. 193].

Институт аталычества (аталычество) в Крымском ханстве. Общая оценка

Наряду с этим в Крымском юрте уже с начала XVI века наметилось становление института аталычества как важного элемента взаимодействия (связей) династии Гиреев с политической элитой Крымского ханства (юрта).

Прежде всего это относилось к роли аталыков как наставников «царевичей» – султанов Гиреев.

Институт аталычества довольно рано стал отражаться в русской и польско-литовской посольской документации по связям с Крымом в рамках выяснения расстановки сил среди крымской политической элиты и влияния ее представителей на определение внешнеполитической линии Крымского юрта. В русской посольской документации это относится прежде всего к «статейным спискам» (донесениям русских дипломатических представителей) посланий (ярлыков) представителей крымской политической элиты, в т.ч. и аталыков, непосредственно в Москву на имя московских государей, и посланий самих крымских ханов московским государям с «просьбами» о предоставлении «поминок» («жалования») своим «ближним людям», в т.ч. и аталыкам.

В польско-литовской посольской документации аталыки неизменно фигурируют в реестрах «упоминок», отправляемых с польско-литовскими посольствами в Крым.

Кроме того и в русской, и польско-литовской документации гонцы от аталыков неизменно фигурируют в реестрах на получение «жалования» («встречного корма») [12, с. 25–27].

К середине XVI в. институт аталычества настолько укрепился в Крыму, что звание ханского аталыка стало превращаться в определенную придворную должность. Крымская сторона при переговорах с русскими дипломатами в Крыму в 60-х гг. о порядке принесения шерти ханом его сыновьями и крымской знатью при утверждении русско-крымского «докончания» постоянно прибегала к формулировке: «на той же шертной грамоте царь, и калга Магмет-Кирей царевич и Алди-Гирей царевич, и все царевичи, и уланы. и князи, и мурзы, и аталыки перед вами правду учинят – шертуют»¹. Наличие института аталычества в это время прочно присутствует в русской посольской документации. В конце 60-х гг. к традиционной формулировке в «наказах» русским гонцам «говорити карачеям, князьям мурзам и уланам...» добавляется «говорити карачеям, князьям мурзам уланам и аталыкам...». В на-

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 123. Оп. 1. Кн. 13. Л. 34; [24, с. 92].

чале 70-х гг. в. русской посольской документации появляется термин «большой аталык». Так, после воцарения Мухаммад-Гирея II в 1577 г. его бывший воспитатель Муслы аталык в своем послании к Ивану Грозному называет себя «большой аталык и слуга вольного человека брата твоего Магмет Кирея царя»². В 80–90-х гг. XVI в. термин «большой аталык» применяется к воспитателю хана Гази-Гирея II Маллокаю-Алею, скончавшемуся в конце 1591 г. Скорее всего, это было нечто подобное наставничеству, точнее, некой его разновидности [1, с. 13–14; 19; 33, с. 269–270]. При дворе крымских ханов прекрасно знали о том, что фигуры «тамошних» аталыков традиционно находились в сфере московских интересов. Не случайно Моллкай-Аллей аталык в своем послании к царю Федору Ивановичу писал: «А которые аталыки бывали прежде меня, холопа твоего, и тем твое жалованье бывало великое»³.

Назначение аталыками у Гиреев

Существует мнение, что институт аталычества непосредственно в Крыму связан исключительно либо с выходцами с Северного Кавказа (бесленевские черкесы – адыги)⁴, либо с представителями улусных людей дома Гиреев. Ряд источников свидетельствуют о том, что аталычество в Крыму носило наследственный характер. Так в 50-х гг. аталыком калги Мухаммад-Гирея являлся Ахмед аталык. К середине 60-х гг. после его кончины аталычество унаследовал его сын Муслы аталык, в дальнейшем видный сановник при Мухаммад-Гирее II. В «реестре упоминков», доставленных в Крым литовским посольством А Владыки в 1569 году, отмечено, что «упоминки» даются ему «место отца его Ахмеда аталыка» [16, с. 318].

В русской посольской документации имеются сведения о назначениях аталыками представителей наиболее влиятельных «фамилий» Крыма. В доставленном в марте 1566 г. послании бека Сулеша Яшлавского в Москву содержался внушительный перечень аталыков «царевичей» Гиреев – сыновей и внуков хана Девлет-Гирея I, претендовавших на получение «поминок»: Ак-Мухаммад оглан в нем называется аталыком второго сына хана Адиль-Гирея⁵, Дербыш-мурза «Куликов» – аталыком старшего внука хана Сеадет-Гирея⁶, Муртоза-ага – аталыком внука хана Гази-Гирея, одного из младших сыновей Мухаммад-Гирея⁷. В том же марте 1566 г. в Москву царевичу Ивану Ивановичу было доставлено послание Муслы аталыка, к тому времени фактическому главе администрации калги Мухаммад-Гирея⁸.

Эти сведения дают весьма примечательную картину порядка назначения аталыков у Гиреев. Муслы аталык наследовал своему отцу Ахмед аталыку и к этому времени явно доминировал среди прочих аталыков Гиреев. Однако по «политическому весу» он пока еще уступал Ак-Мухаммаду-оглану (Ахмед-улану). Последний, впрочем, никогда не упоминался в русской посольской документации как аталык [12, с. 30; 15, с. 152]. В литовских документах он упомянут как аталык Адиль-Гирея [16, с. 153].

² РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 15. Л. 95.

³ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 17. Л. 199.

⁴ Наибольшее распространение эта точка зрения получила в работах Е.Н. Кушевой [18].

⁵ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 12. Л. 113.

⁶ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 12. Л. 112.

⁷ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 12. Л. 112 об.

⁸ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 12. Л. 120–120 об.

Однако, учитывая, что именно Адиль-Гирей во второй половине 60-х – начале 70-х гг. позиционировал себя как претендент на «Казанский юрт», упоминание Ак-Мухаммада, вернувшегося в Крым приближенного нескольких казанских ханов, в качестве его аталыка можно рассматривать как определенный акт дипломатического давления на Москву. Возможно, в данном случае мог иметь место и дополнительный аргумент к освобождению и отправлению в Крым сына Ак-Мухаммада, имелдеша смещенного казанского хана Утямыш-Гирея, отправленного с ним в Москву «казанского новокрещена» «князя Федора» (Ислам-оглана) [12, с. 31].

Муртаза-ага был представителем клана «черкасских мурз» и как аталык также не упоминался [12, с. 30]. Можно предположить, что это был родной или двоюродный брат матери «царевича». Важно, что среди аталыков «царевичей» имеются представители крымской знати. Несомненно, что в последние годы правления хана Девлет-Гирея I аталыком его старшего внука Сеадет-Гирея был Дербыш аталык, принадлежавший к клану Кыпчаков. В дальнейшем это «Дербыш князь Куликов». В донесениях русских дипломатов в 70-х гг. он иногда упоминается как «Дербыш князь, аталык»⁹. Фигура этого представителя крымской знати по своему уникальна: он находился в поле зрения русской дипломатии и разведки около тридцати лет, с середины 60-х гг. до середины 90-х гг. XVI века.

В сентябре 1565 г. Дербыш уже упоминается в русской посольской документации как «царевичев аталык»¹⁰. Тогда при прибытии русского гонца С. Бортенева к Молочным водам, где сосредотачивалась крымская орда для предполагаемого похода на «московские украины», аталыкам «царевичей» Гиреев вместе с прочими их «ближними людьми» пришлось выполнять важную и не слишком отвечающую «посольским обычаям» миссию по принудительному изъятию адресованных им грамот Ивана Грозного и, главное, «поминок»¹¹. Предводительствовал ими Муслы аталык, а Дербыш аталык находился у него в подчинении. После воцарения Мухаммад-Гирея II Дербыш начинает упоминаться с княжеским (бекским титулом), при том что главой рода «князей Кулюковых» являлся его брат Касим. При Ислам-Гирее II (1584–1588), на сторону которого «князь» Дербыш в конечном итоге перешел (временно), он упоминается в русской посольской документации только как «князь Дербыш».

Тенденция к назначению аталыками у «царевичей» Гиреев представителей ведущих «государственнообразующих кланов Крыма» сохранялась и в дальнейшем. В 1588 г., после водворения хана Гази-Гирея II на престоле, места в «царевой думе» (ханском диване) потеряли многие представители крымской знати. Одним из них был карачи-бек Ширинов Алей. Его высокий статус помог избежать физической расправы. Он остался в Крыму фактически на положении заложника нового хана. До этого Алей Ширинский находился в постоянной дипломатической переписке с Москвой. Ему постоянно посылались государево жалование. С лета 1588 г., по настоянию крымской стороны, его имя вычеркнуто из всех жалованных списков. Однако совершенно неожиданно, через полтора года, хан сам «вспоминает» об Алее Ширинском в своем послании царю Федору Ивановичу: «в третьей своей грамо-

⁹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 14. Л. 262 об.

¹⁰ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 12. Л. 25.

¹¹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 12. Л. 25–25 об.

те ко царю и великому князю пишет Казы-Кирей царь, что верного своего карачея, Алея князя, у сына своего, Девлет-Кирея царевича, учинил аталыком, и которое жалование ранее посылал ко князьям и мурзам и к нему тоже жалование б послал»¹². Следует отметить, что Девлет-Гирей, один из младших сыновей хана, только что вышел из младенческого возраста. Это первое его упоминание в русско-крымской посольской документации. Ясно, что реально Алей не мог руководить его воспитанием, но это была своеобразная синекура, которая с одной стороны удерживала при бахчисарайском дворе главу рода Ширинов, а с другой обеспечивала в дальнейшем поддержку хана и юного царевича этой ветвью рода. Напомним, что реально в состав ханского дивана входил бек Кутлу-Гирей Ширинский, глава другой ветви клана.

Аталыки как руководители «администраций» царевичей Гиреев

Воспитатели Гиреев по мере их возмужания становились их политическими советниками и фактическими руководителями их дворов. Русская посольская документация в ряде случаев более чем наглядно фиксирует эту роль аталыков. Наиболее ярко это отмечается по отношению к воспитателям наследников престола (калга). При приезде в 1576 г. большой группы крымских гонцов во главе с Девлет-Килдеем к Ивану Грозному были доставлены послания от калги Мухаммад-Гирея, старшего сына хана Девлет-Гирея, который специально «рекомендовал» московскому царю своего аталыка: «Тебе, другу нашему, великому князю, ведомо, что у меня доброй человек Муслу аталык, и таких у меня добрых мало, а ево слово волной человек царево величество [крымский хан – А.Б., А.В., М.М.] слушает, да и яз»¹³. В Москве на фигуру Муслы аталыка обратили внимание и не ошиблись. Летом 1577 г. Муслы аталык занял главенствующее место среди «ближних людей» хана Мухаммад-Гирея II [10, с. 56]. Следует отметить, что конкретные фигуры аталыков, как правило, регулярно появляются в донесениях русских дипломатических представителей в Крыму в связи с изложением династической ситуации у Гиреев.

Аталыки в борьбе за власть своих воспитанников

Наиболее ярко роль аталыков в борьбе за власть проявилась в период династического кризиса Гиреев 70-х–80-х гг. XVI в. От этого периода нам известны аталыки сыновей хана Девлет-Гирея I Мухаммад-Гирея – Муслы, и Гази-Гирея – Маллакай-Алей. Оба они по сведениям русской и польско-литовской разведок сыграли важную роль в водворении своих воспитанников на бахчисарайском престоле.

Как мы уже отмечали в своей работе, Муслы аталык начал проявлять активность с момента тяжелой болезни хана Девлет-Гирея I в конце 1575 г. [10, с. 56]. Тогда в своих дипломатических ссылках с Москвой, Вильно и Варшавой Муслы аталык подчеркивает необходимость «законной» смены власти. В Бахчисарае, по русским сведениям, аталык активно сколачивает лояльную калге группировку среди крымской знати. Показательно, что под его руководством действуют аталыки сыновей Мухаммад-Гирея. Так, Дербыш аталык (воспитатель старшего сына Сеадет-Гирея) отправляется после смерти Девлет-Гирея I в сентябре 1577 г. эмиссаром в Стамбул с просьбой подтвердить

¹² РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 17. Л. 356.

¹³ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 14. Л. 314.

право Мухаммад-Гирея на крымский престол¹⁴. При этом Дербыш в это время уже являлся зятем Муслы аталыка. Их «альянс», сведения о котором, как мы видели, появляются в русской посольской документации с начала 60-х гг., оказался необычайно эффективным. Пути двух аталыков разошлись после свержения Мухаммад-Гирея II в 1584 г., но даже в начале 90-х гг., уже при Гази-Гирее II, Дербыш просил Бориса Годунова отпустить в Крым своего плененного тестя [10, с. 60].

Следует отметить, что Муслы аталык находился в более чем в выигрышной позиции, так как являлся воспитателем старшего сына хана. Гораздо труднее было воспитателю Гази-Гирея Маллакаю-Алею. Гази-Гирей, как известно, долгое время не рассматривался как возможный претендент на крымский престол. Кроме того, он на долгое время был выбит из политической борьбы находясь в персидском плену. Маллокай-Алей разделил судьбу своего воспитанника. И в конечном итоге после побега из персидского плена оказался в Стамбуле. Здесь, в условиях недовольства крымской знати политикой Ислам-Гирея II, Маллакай-Алей начинает спланировать политическую оппозицию из вынужденных крымских беженцев. Одновременно он содействует успешному «лоббированию» кандидатуры Гази-Гирея как нового крымского хана у Порты. В конечном итоге в апреле 1588 г. его воспитанник триумфально возвращается в Крым в сопровождении своего аталыка. Русский гонец И. Судаков Мясной в своем статейном списке приводит внушительный перечень прибывших с ханом на одном корабле именитых крымских эмигрантов, предводительствуемых Маллакаем-Алеем [30, с. 69]. Все они, естественно, образовали костяк нового ханского дивана.

Одновременно с этим в Астрахани Ямгурчей аталык занимался воспитанием детей второго сына Мухаммад-Гирея II, Мурад-Гирея, еще одного из возможных претендентов на крымский престол. Русские источники показывают, что к началу 90-х гг. XVI в. Ямгурчей аталык занимал при Мурад-Гирее положение, равное статусу первого министра [10, с. 26]. Именно он весной 1591 года был направлен следственной комиссией во главе с О.М. Пушкиным, рассматривавшей обстоятельства смерти Мурад-Гирея, в Крым с сообщением о смерти племянника Гази-Гирея II. Впрочем, формально он был послан к хану «царицей» Ертуган. Ямгурчей оказался быстро «востребован» ханом и после провала похода 1591 года был послан им в Москву с конфиденциальной дипломатической миссией в качестве его личного эmissара. Впрочем, об этом речь пойдет дальше.

Здесь отметим важное обстоятельство: первый раз Ямгурчей аталык был послан в Москву осенью 1591 г. вместе с официальным ханским гонцом Ибрагимом Азии в качестве личного эmissара хана формально для решения вопроса об отпуске «царицы» Ертуган и ее «двора». Второй раз весной 1593 г. Ямгурчей аталык был послан в Москву в качестве официального дипломатического представителя хана и в русской посольской документации именовался «посланником». Его задачей было проведение посольского съезда и размена. При этом второй его задачей в рамках проведения посольского съезда и размена оставался отпуск Ертуган и лиц из ее ближайшего окружения. К Ливнам, где проводился посольский съезд, Ямгурчей аталык прибыл,

¹⁴ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 15. Л. 20.

сопровождая Ертуган, и оставался вместе с ней в Ливнах. Через несколько дней он был вызван в русский лагерь у реки Сосны, и русские разменные послы, кн. Ф.И. Хворостинин и Б.Я. Бельский, потребовали от него отправиться в крымский лагерь на другой берег реки для переговоров об организации посольского съезда. Ямгурчей аталык категорически отказался и настаивал на своем возвращении в Ливны. Он явно не желал оставлять без «примотра» Ертуган. В данном случае его личные обязательства перед вдовой Мурад-Гирея и Сеадет-Гирея как аталыка ее сыновей явно превалировали над обязательствами ханского эмиссара.

При непосредственном проведении размена Ямгурчей последним покинул русский берег реки Сосны только после того, как Ертуган со своим обозом, проехав по наведенному мосту, направилась в крымский лагерь. Между тем исключительно сложные переговоры, в которых участвовали представители всех ведущих крымских кланов, в большинстве своем враждебных Ямгурчею аталыку, казалось должны были заставить его заниматься прежде всего урегулированием конфликтов дипломатического характера. При следовании огромного посольского каравана из-под Ливен по «дикой степи» Ямгурчей находился при обозе Ертуган, фактически уклоняясь от попыток русских дипломатов во главе с князем М.А. Щербатовым вступить с ним в контакт для обсуждения сложной ситуации, связанной с продолжающимися конфликтами внутри крымского посольства. Он проигнорировал даже отправление Аллабердея-мурзы в Крым с доносом на него хану. В ходе конфликтной ситуации, связанной с фактическим насильственным принуждением Арслана «Дивеева» отпустить Ертуган на встречу с сыном Девлет-Гиреем, именно Ямгурчей настоял на согласии на это Ахмед паши «Яшлавского». В переговорах в Болы Сарая русских послов с Арсланом «Дивеевым» Ямгурчей не участвует, находясь вместе с Ертуган, встречавшейся с сыном. К посольскому каравану он присоединяется только после выхода из Болы Сарая.

При этом еще в Москве Ямгурчей отказывается вести «тайные» грамоты от имени царя Федора Ивановича и от. Б.Ф. Годунова к хану. Их везут сами русские послы. Налицо превалирование обязательств аталыка сыновей по отношению к их матери над обязательствами по отношению к хану. И Гази-Гирей II прекрасно понимал эту ситуацию. Показательно, что для решения вопроса об отпуске лиц из окружения Мурад-Гирея, не горевших желанием вернуться в Крым, под Ливны он посылает своего эмиссара Ислам-оглана, предполагая, что Ямгурчей аталык не будет содействовать этому, так как Ертуган фактически оставила приближенным своего покойного мужа право выбора. После прибытия в Крым Ямгурчей продолжает пребывать вместе с Ертуган и только в самый ответственный момент вызывается ханом в Бахчисарай для конфиденциальной встречи с русскими послами (об этом ниже).

Крымская «ссора великая» вообще привела к усилению политической роли института аталычества. Причем речь шла уже о политической роли аталыков всех дееспособных представителей рода Гиреев, игравших политическую роль. Ситуация с Ямгурчеем аталыком в этом отношении еще более примечательна.

Еще раз обратимся к событиям 1593 г. Русское посольство после посольского съезда под Ливнами двигалось в Крым вместе с вдовой Мурад-Гирея и Сеадет-Гирея, «царицей» Ертуган. Сын Ертуган от Сеадет-Гирея в это время

находился в «Дивеевом улусе» у карачи-бека крымских мангытов Арслана. Это было необходимо Гази-Гирею II для обеспечения лояльности могущественного клана «Дивеевых». Арсланом планировал организовать встречу сына с матерью и по возможности задержать ее в своем улусе. Сильный отряд «Дивеевских» мангытов задержал посольский караван и «пригласил» Ертуган на встречу с сыном. Отрядом командовал аталык Девлет-Гирея Мухаммад-Казы. Именно он вел переговоры с русским послом князем М.А. Щербатовым и объяснялся с разменным крымским послом Ахмедом-пашой Яшлавским (Сулешевым)¹⁵. Сам Арсланом Дивеев, затеявший эту интригу, формально был ни при чем. Однако конфликт был урегулирован только после встречи Мухаммад Казы аталыка и Ямгурчей аталыка. Свидание матери и сына состоялось. Но одновременно Арсланом «Дивеев» прибыл к послам с требованием задержать Ертуган¹⁶. В конечном итоге все кончилось благополучно. Ертуган продолжила путь в Крым. За кулисами официального объяснения Арслана с русским послом и его крымским коллегой остались переговоры двух аталыков – эмиссара хана при крымском посольстве Ямгурчей и воспитателя Девлет-Гирея Мухаммада Казы, – которые происходили при встрече матери с сыном. Ямгурчей аталык лично вернул «царицу» и ее людей в посольский обоз. Таким образом, Ямгурчей частично переносит свои обязанности аталыка на единственного выжившего сына Ертуган после смерти его родных и сводных братьев, действуя в контакте с его «официальным аталыком».

В дальнейшем Ямгурчей аталык при тайных контактах с русскими послами уже в Крыму весной 1594 г. не исключает возможности водворения Девлет-Гирея на крымском престоле при поддержке Москвы в случае смещения с престола и физического уничтожения хана Гази-Гирея II и его сыновей по приказу Порты. Но Ямгурчей «судьба не улыбнулась». Ход событий в Крыму после попытки свержения Гази-Гирея II Фетх-Гиреем в 1596–1597 г. привел к убийству Девлет-Гирея. Это было необходимо Гази-Гирею II для обеспечения престолонаследия за своим сыном Токтамышем. Впрочем, к этому времени Ямгурчей уже не было в живых.

Аталыки как «первые министры»

О своем водворении в Бахчисарае в качестве фактических «первых министров» аталыки незамедлительно информировали монархов сопредельных государств и их ближайших приближенных. Летом 1577 г. Муслы аталык сообщает Ивану Грозному: после того как Мухаммад-Гирей II «царем учинился меня Муслы аталыка по прежнему оставил как был при царе Девлет-Кирее»¹⁷. В данном случае Муслы аталык подчеркивает преемственность своего положения. Несколько по-иному выглядела ситуация в 1588 г. Так Маллакай-Алей аталык сразу же после воцарения Гази-Гирея II информировал Б.Ф. Годунова о своем новом статусе: «У Казы-Кирея царя аталыком учинился и всякие дела на меня положены»¹⁸. Таким образом, мы наглядно видим, как происходила кристаллизация видоизмененного института аталычества. Статус аталыка немедленно отражался при распределении жалования

¹⁵ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 21. Л. 195 об–196.

¹⁶ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 21. Л. 196–196 об.

¹⁷ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 15. Л. 95.

¹⁸ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 18. Л. 8 об–11 об.

гонцам от «ближних царевых людей» при их прибытие в Русское государство. Гонцы «первого министра» в росписях «корма» крымским курьерам занимали достаточно престижные места: как правило они открывали перечень гонцов от беков и мурз непосредственно за гонцами младших «царец», «царевен» и «царевичей» из дома Гиреев. В ноябре 1589 г. гонец Моллакай Аллей Азей четырнадцатый из 28 гонцов¹⁹.

Кроме того следовали изменения в иерархии при распределении жалования «ближним царевым людям». Уже при первой раздаче жалования «ближним людям и мурзам» нового хана Гази-Гирея II И. Судаковым-Мясным летом 1588 г. Моллакай-Алей аталык получает приоритет. Правда, формально на первом месте в перечне вельмож нового хана, получивших «жалование», составленном И. Судаковым, значится Мурад Яшлавский (Сулешев). Однако при распределении жалования в январе 1589 г. следующим гонцом И. Мишуриным Моллакай-Алей уже открывает перечень крымских мурз, получивших его и от имени государя, и от имени Б.Ф. Годунова²⁰. Подобное положение сохранялось вплоть до кончины аталыка в конце 1591 г.

В статейных списках русских дипломатических представителей в Крыму и в Стамбуле аталыки фигурируют как ключевые фигуры ханского дивана, отодвигающие порой на второй план представителей так называемых правящих элей. Вернувшийся после воцарения Гази-Гирея II в Москву гонец Иван Судаков-Мясной изложил в своем статейном списке стремительное возвышение Маллакай-Алея аталыка. Именно он буквально через несколько дней после прибытия в Крым на одном корабле с Газы-Гиреем II стал во главе ханского дивана. 23 апреля 1588 г. во главе «царевых ближних людей» он вел с Судаковым-Мясным переговоры о его аудиенции у нового хана [30, с. 69–70]. Хотя формально крымских мурз возглавлял Дербыш «князь Куликов», лидирующая роль аталыка на переговорах явно просматривалась. Во всяком случае для И. Судакова-Мясного было очевидно, что Моллакай «у царя человек ближний». По инициативе Судакова-Мясного 20 мая Моллы Алея аталык «съехался тайно» с ним, причем еще до аналогичной тайной встречи с Дербышом Кулюковым. Русский гонец испросил содействия у «государева ближнего человека» в установлении «доброего дела» и получил ответные заверения в том, что «царь и царевичи и крымские люди на московские украинны войною не будут» [30, с. 74]. Моллы Аллей аталык изъявил желание «царю и великому князю службу свою показать». Затем после падения калги Селамет-Гирея аталык выступает уже официально в роли лица, ответственного за дипломатические отношения с Москвой вместе с Сафа-Гиреем. 5 июня он ведет с И. Судаковым-Мясным крупноформатные переговоры по всему комплексу проблем в двусторонних отношениях, прежде всего о ситуации с мятежными «царевичами» [30, с. 78–79]. 10 июня он вместе с И. Судаковым-Мясным составляет новые списки «ближних царевых людей» и затем излагает известные ему планы «астроханского похода турецкого» [30, с. 79–80].

В дальнейшем Моллакай-Алей аталык участвовал во всех без исключения переговорах с русскими гонцами в Крыму вплоть до осени 1591 г. К 1590 г. Моллакай-Аллей добился крупного успеха в перехвате первенства в «ссылках»

¹⁹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 17. Л. 395 об.

²⁰ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 17. Л. 322 об, 324 об.

с Москвой у «князей Сулешевых и Куликовых», традиционно стремившихся контролировать крымско-русские дипломатические контакты: новым большим послом туда хан назначил его брата Монаш-дувана. Об этом хан известил русскую сторону с гонцом Аллобердеем, прибывшим в июле 1590 г. В послании к Б.Ф. Годунову хан Гази-Гирей II настаивал на скорейшем посольском размене, подчеркивая, что послом будет именно брат его аталыка²¹. Сам Моллакай-Аллей в своем послании к Годунову придавал миссии брата серьезное значение. Он ясно давал понять, что в данном случае речь идет о заключении «докончания». Размен был сорван. Причем ответственность за это русская сторона возложила именно на аталыка. Однако в дальнейшем выяснилось, что инициатива отмены посольского размена, выдвинутая Маллокаем-Алеем, объяснялась его опасениями за судьбу Гази-Гирея II. Дело в том, что аталык получил из Стамбула сведения об активизации изгнанных из Крыма Гиреев, которые обвиняли хана в прорусской ориентации. Интересно, что эти сведения руководство Посольского приказа получило от ханского эмиссара Ямгурчя аталыка, в известной мере, преемника Маллакай-Алея. Таким образом, мы вправе поставить вопрос о существовании разветвленной сети осведомителей аталыка, существовавшей в Стамбуле. Это еще значительно вырисовывает перед нами образ «первого министра». Мы вправе видеть в нем в определенной мере и руководителя службы внешней разведки. Между прочим, сам аталык в своих посланиях Б.Ф. Годунову ненавязчиво ставил себя на одну доску с всемогущим московским вельможей.

Помимо сведений статейных списков в составе русской посольской документации имеются другие материалы, позволяющие фиксировать главенствующую роль аталыков в составе ханского дивана. Речь идет о расспросных делах эмиссаров царевича Мурад-Гирея в Бахчисарай, которые они представляли лично посольскому дьяку А.Я. Щелкалову. Так, в расспросном деле Мамай мирзы имеется описание заседания дивана в бахчисарайском дворце. Моллакай Аллей явно занимает там ведущее место²².

Обилие сведений об аталыках именно в русской и в меньшей степени польско-литовской дипломатической документации, несомненно, объясняется их ролью в осуществлении внешнеполитических связей Крымского юрта.

Аталыки и крымская дипломатия

Аталыки традиционно привлекались к различным дипломатическим поручениям «царевичами» – султанами Гиреями. Они неизменно являлись от имени своих воспитанников к русским дипломатическим представителям с различными поручениями. Это могло быть и приглашение на аудиенцию, и выражение недовольства привезенными «поминками», и в отдельных случаях, как правило при обострении русско-крымских отношений, требование принудительного изъятия «поминок» и грамот, адресованных их воспитанникам.

Зафиксированы отдельные случаи направления аталыков непосредственно в качестве гонцов от младших «царевичей» – султанов – в Москву.

Период «ссоры великой в Крымском юрте» значительно усилил роль аталыков в «дипломатических ссылках» их «подопечных» с сопредельными государствами. Постепенно некоторые из них стали превращаться в ключе-

²¹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 18. Л. 104–104 об.

²² РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 17. Л. 333–333 об.

вые фигуры дипломатической игры, шедшей между Москвой, Вильно, Краковым и Стамбулом в ходе династического кризиса Гиреев. Напомним, что к 1588 г. в Стамбуле при Гази-Гирее находился Моллакай-Алей аталык, в Астрахани при Мурад-Гирее – Ямгурчей аталык, а в качестве пленника на территории Русского государства – Муслы аталык.

Правление Гази-Гирея II ознаменовалось привлечением аталыков к осуществлению дипломатических миссий в качестве личных эмиссаров хана.

В конце 1591 года начинается активная дипломатическая деятельность бывшего воспитателя сыновей Сеадет-Гирея и Мурад-Гирея, Ямгурчя аталыка. Он возглавлял две ответственные миссии в Москву. Последняя ознаменовалась личными переговорами с Б.Ф. Годуновым и участием в посольском съезде под Ливнами в ноябре 1593 года.

Ямгурчя аталык был отправлен ханом в Москву осенью 1591 года формально в качестве личного эмиссара хана для решения вопроса об отпуске вдовы Сеадет-Гирея и Мурад-Гирея Еруган и лиц из состава ее «двора». Кроме того ему было поручено прозондировать вопрос о доставке в Крым тела Мурад-Гирея для перезахоронения.

Однако главная задача, которая была поставлена перед ним ханом, заключалась в передаче «тайных посланий», адресованных лично Б.Ф. Годунову, в которых хан выдвигал план установления долгосрочного военно-политического союза и, возможно, перехода «под руку» московского царя в случае его смещения с престола Портой. Расчет делался на близкое знакомство аталыка с Посольским дьяком А.Я. Щелкаловым и с Б.Ф. Годуновым в ходе нескольких пребываний в Москве Мурад-Гирея. Подробному изложению миссии Ямгурчя аталыка посвящен отдельный раздел работы А.В. Виноградова [11, с. 22–31], поэтому ограничимся констатацией факта того, что аталыку не удалось полностью выполнить поставленные перед ним задачи. Однако его личные переговоры с Посольским дьяком А.Я. Щелкаловым заложили основу дальнейшего диалога сторон.

Вторая миссия Ямгурчя аталыка летом–осенью 1593 года ознаменовалась крупным успехом крымской дипломатии: был осуществлен отпуск «царицы» Ертунан и ее двора, достигнуто принципиальное согласие русской стороны об отправлении в Крым «запросных денег» и заключение русско-крымского договора, одним из главных условий которого являлось регулярное отправление в Крым «поминок» [11, с. 44–47]. Особая роль Ямгурчя аталыка, прошедшего личные переговоры с Б.Ф. Годуновым, вызвала резкое недовольство основных крымских кланов, прежде всего Кулюковых и Яшавских («Сулешевых»). Непосредственно во время проведения посольского съезда у Ямгурчя произошел конфликт с «разменным послом» Ахмед-пашой Яшлавским. Формально он был связан с третированием аталыком его племянника Аллабердея-мурзы, крымского гонца в Москве, на задержание которого в Русском государстве на неопределенное время Ямгурчя дал согласие еще во время своей первой миссии. Дербыш «князь» Куликов был в ярости от содействия со стороны Ямгурчя отказу, помешавшему его сыну Пашаямурзе вернуться в Крым. На деле недовольство «ближних царевых людей» заключалось в том, что аталык лично доставлял из Москвы в Бахчисарай и обратно «тайные послания» от хана Б.Ф. Годунову во время своей первой миссии и вновь, во время второй миссии. Кроме того аталык не разглашал

результаты своих личных переговоров с Годуновым. Конечно, это не было случайностью. На переговорах затрагивались вопросы, связанные с ситуацией бегства хана с семьей и сторонниками из Крыма в случае насильственного свержения с престола Портой либо в сопредельные улусы, либо непосредственно на территорию Русского государства. В случае оставления на престоле хан планировал заключить мирный договор. Условием заключения договора было отправление большой суммы «запросных денег». Б.Ф. Годунов, со своей стороны, выдвинул требование предоставления ханом заложников из числа собственных сыновей [11, с. 46]. Естественно, что Ямгурче аталык не мог сообщать все это представителям политической элиты Крыма. Участвующие в посольском съезде представители крымских кланов и прежде всего «разменный посол» Ахмед-паша Яшлавский не скрывали своего отношения к Ямгурчею. Не удивительно, что прощаясь с русскими «разменными послами» кн. Ф. Хворостининым и Б.Я. Бельским после проведения посольского съезда аталык выразил опасения, что в Крыму его «убьют».

Действительно, еще в пути Ахмед-паша отправил к хану своего племянника Аллабердея с доносом на Ямгурчея²³. Затем последовала запутанная интрига, связанная с намерением Арслана Дивеева перехватить царицу Ертуган, которая усугубляла конфликт аталыка с Ахмедом-пашой Яшлавским.

После возвращения в Крым из своей второй миссии в Москву вместе с посольством кн. М.А. Щербатова Ямгурчи аталык исчезает (в прямом смысле). Он не участвует в официальных переговорах, о нем не упоминают крымские вельможи. Здесь неожиданно проявляется другая важная черта института аталычества: аталыки как тайные советники ханов и наиболее доверенные лица при проведении щекотливых дипломатических операций. Как выяснилось в дальнейшем, в условиях конфликта Ямгурчея аталыка с кланами Яшлавских и Кулюковых, хан счел нужным до времени спрятать его во «вдовьем уделе» царицы Хан-Тутай (старшая жена Мухаммад-Гирея II и одна из младших жен Гази-Гирея II, мать Сеадет-Гирея и Мурад-Гирея), куда отправилась его невестка Ертуган после возвращения в Крым.

Через несколько месяцев, когда на переговорах русских послов с ханскими эмиссарами обозначился кризис, Ямгурчи аталык тайно вернулся в Бахчисарай. Явившись «в ночи» в яшлавское предместье, он изъял у послов тайные грамоты к хану от царя Федора Ивановича и Б.Ф. Годунова и на следующую ночь доставил устный ответ. Хан передал послам, что готов снизить количество запросных денег и просил отложить вопрос о закладничестве Гиреев на территории Русского государства. Замечательно, что хан просил выиграть время для обеспечения консенсуса по вопросам заключения договора в собственном диване. Миссия Ямгурчея аталыка была небезопасна. Как выяснилось, за резиденцией послов следили. Сразу же после того как Ямгурчей доставил послание хану в Бахчисарайский дворец, нагрянули «ближние царевы люди», заставшие Гази-Гирея за чтением послания Б.Ф. Годунова. Хитроумный хан, естественно, искажил содержание послания. Гази-Гирей II хорошо владел русским языком, как в прочем и рядом других. Хан поручил Ямгурчею сообщить послам об этом эпизоде²⁴.

²³ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 21. Л. 215 об.

²⁴ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 21. Л. 267–268 об.

Карьера Ямгурчея-аталыка оборвалась уже в 1594 г. Обстоятельства гибели Ямгурчея во время похода хана в Центральную Европу до конца не ясны.

Доминирование аталыков в крымской политической элите 70–90-х гг. XVI в.

При анализе материалов русской посольской документации можно выделить основные фигуры аталыков, доминировавших в политической элите Крыма. Муслы аталык занимает ключевые позиции с 1577 по 1583 г., весь период правления Мухаммад-Гирея II. Моллокай-Алей аталык доминирует в составе дивана Гази-Гирея II с апреля 1588 по сентябрь 1591 г., когда он скончался. Он был даже назван Дербышем Кулюковым в разговоре с гонцом И. Бибиковым в августе 1591 г. единственным «ближним человеком» хана²⁵. Кончина Моллокая-Алея имела существенные последствия для соотношения сил в составе «ближних царевых людей». С осени 1591 г. в составе дивана аталыки не присутствуют. Однако в этот период роль «теневого советника» и полномочного эмиссара хана в отношениях с Москвой по крайней мере до осени 1594 г. играет Ямгурчей аталык.

В правление Ислам-Гирея II (1584–1588 г.) аталыки в состав его дивана не входят. Однако ключевой фигурой в окружении калги Алп-Гирея, в руках которого фактически находилась реальная власть в Крыму, является Борамалей аталык. В его руках, в частности, находился контроль над внешнеполитической деятельностью ханства. Показательно, что именно он в декабре 1584 г. вел предварительные переговоры с русским гонцом И. Судаковым Мясным²⁶.

Тенденция к появлению фигур аталыков в окружении каждого претендента на крымский престол является неотъемлемой частью истории династического кризиса Гиреев. Подобная тенденция сохранялась и после консолидации Крымского ханства Гази-Гиреем II в середине 90-х гг. Так, как уже говорилось, Мухаммад Казы аталык ханского племянника Девлет-Гирея, находившегося «под рукой» у Арсаная Дивеева осенью 1594 г., остановил следование в Крым русского посольства кн. А. Щербатого, в составе которого туда возвращалась мать Девлет-Гирея, царица Ертуган.

Подобные тенденции трансформации института аталычества в фактор перманентной политической нестабильности в Крыму не могли не вызывать противодействия у правящих ханов. Период своего второго правления хан Гази-Гирей II начинает борьбой против политического влияния аталыков, вплоть до физического устранения наиболее активных «воспитателей» «перспективных» Гиреев, претендующих на престол. Например, вышеупомянутый Мухаммад Казы аталык Девлет-Гирея погиб вместе с воспитанником в июне 1601 г. во время знаменитого избиения по приказу хана «фрондирующих» царевичей и поддерживающих их представителей знати [13, с. 341].

Аталычество у крымской знати

В поле зрения русской дипломатии со второй половины XVI века начинают попадать и аталыки у представителей крымской знати. Намечаются тенденции, позволяющие предположить их участие в «ссылках» их воспитанников с Русским и Польско-Литовским государствами как в рамках обмена дипломатическими миссиями, направляемыми крымскими ханами, так и

²⁵ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 19. Л. 106.

²⁶ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 16. Л. 3 об.

вне их при осуществлении самостоятельных дипломатических ссылок с Москвой, Вильно и Краковым. Эта тенденция усиливается в ходе «ссоры великой в Крымском юрте» Прежде всего это относится к тем крымским кланам, которые традиционно проводили собственную внешнеполитическую линию в отношении сопредельных государств.

Так, в период пика своего могущества в конце 80-х – первой половине 90-х гг. Арсланай «Дивеев» поручал контакты с русскими гонцами, передвигавшимися через территорию его улуса, аталыкам своих сыновей В начале лета 1594 года через «Арсланаев улус» двигалось возвращавшееся из Крыма в Москву посольство кн. М.А.Щербатова. Там их приветствовал Иссей, «аталык третьего Арсланаева сына», который поведал им, что Арсланай «от царя приехал» и до своего выступления в поход готов «сослаться» с послами²⁷. Третьим сыном Арсланаев был Сулеш-мурза, который привлекался отцом и к «официальным», и к «сепаратным» ссылкам Мансуров с Москвой.

Итак, институт аталычества в Крымском юрте являлся серьезным в известной степени «государственнообразующим институтом».

Институт аталычества в Казанском ханстве и Ногайской Орде

О данном институте в Казанском ханстве прямых свидетельств почти не сохранилось, хотя предполагать его мы имеем все основания. Но, к сожалению, до наших дней дошло лишь два прямых упоминания казанских аталыков. Первое – это известие «Зафар-наме-Казан-вилайет» о Барболсун аталыке. И.В. Зайцев отождествляет его с Барболсун-огланом, захваченным русскими в плен в 1551 г. и позднее казненным [15, с. 147]. Второе – это сообщения об аталычестве Чапуна при Ядгар-Мухаммаде в 1552 г. [23, с. 515]. Такое молчание может иметь несколько объяснений. Первое, это специфика источникового материала. Русские летописи четко фиксировали следующие титулы: бек (князь), карачи, оглан (улан), сейид, хаджи (азей), мирза и бакши. Также в летописях фиксировались: казак, батыр (богатырь), мулла, моллазадэ, дервиш и шейх. Можно полагать, что это было связано с процедурой шертования, которая требовала участия всех основных групп населения Казанского ханства. Наиболее подробная запись из сохранившихся в памятниках официального летописания относится к 14 августа 1551 г. Приведем ее полностью: «...приехали ко царю и бояром Кулшеф молна и Маамет сеит Мансырь сеитов сын, и все с ним шихи и шихзады, имамы и молозады и азии и дербыши, да Нудайгул улан, а с ним уланы все, да Муралей князь, а с ним многие князи и мурзы» [23, с. 485]. Очевидно, что титулы, связанные с личным окружением хана, летописцев не интересовали. Второе объяснение может быть связано с первым. Не исключено, что аталыки не играли самостоятельной роли в политической жизни Казанского ханства. Следовательно, фиксация аталычества того или иного лица для сторонних наблюдателей не имела смысла. В определенном смысле это наше наблюдение подтверждают и материалы посольских книг по связям с Ногайской Ордой. Так, в книге за 1551–1556 гг. аталыки упоминаются в посланиях Исмаила и Арслана. Так, в послании 1551 г. Исмаил вспоминает, что он отправил аталыка к Дервиш-Али, а Арслан в 1556 г. упоминает своего аталыка [25, с. 79, 217]. Аталыки в ногайских кни-

²⁷ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 21. Л. 309 об–310.

гах фигурирую заметно реже имелдешей и почти всегда лишены какой-то особой политической роли. Поэтому можно предположить, что именно в условиях Крымского ханства аталычество приобрело особый статус.

Аталыки в Сибири

Исследовать институт аталычества в Сибири не просто. В нашем распоряжении слишком мало документальных свидетельств. В настоящее время мы можем говорить о том, что кочевая ставка Кучума и Кучумовичей состояла прежде всего из аталыков и имелдешев [20, с. 5; 36, с. 132–134]. Однако об их статусе мы практически ничего не знаем. Попытка увидеть в них неких чиновников по особым поручениям, в функции которых входил сбор ясака, торговых налогов и сборов и обеспечение порядка в местах торговли, документально не подтверждается [21, с. 139; 26, с. 249]. Хотя подобный взгляд на сибирских аталыков не лишен определенной логики. Как известно, Кучум имел множество жен. Ряд из них являлись дочерьми и сестрами наиболее значимых представителей родоплеменной знати Сибири. Подобные браки фиксируются и у его детей и племянников. Такой матримониальной политикой сибирские Шибаниды стремились обеспечить политическое единство и лояльность различных тюркских групп, составлявших ханство. Если допустить, что аталыки выбирались из родственников матерей того или иного царевича, а подобные сведения у нас имеются [6], то они вполне могли стать неким связующим звеном между ставкой хана и своим родоплеменным объединением. Но в этом направлении предстоит еще длительный поиск. Однозначно мы можем утверждать о посылке аталыков с определенными поручениями к народам, входившим в этот период или же ранее в состав Сибирского юрта [22, с. 153–154].

Аталыки в России

Институт аталычества в России имел свои особенности. В нашем распоряжении имеется более чем ограниченный круг источников по данной проблеме. Все они относятся к XVII в. и касаются касимовских Чингизидов из казахской и сибирской династий, а также ургенчского царевича Авгана. Однако эти данные позволяют нам довольно точно экстраполировать положение аталыков при татарских царях и царевичах на иные места их проживания в Московском государстве XVI в.

Первое свидетельство об аталыках Чингизидов в России относится к марту 1552 г. Тогда некоего Салтан-Булата, сына аталыка Билгида (Бигилдеева), испоместили в Мещере. Ему предоставили поместье в 10 четвертей в одном поле и сенные покосы в 18 копен сена [4, №21, с. 19].

Наиболее подробную информацию мы имеем о клане сибирских мурз Мусаитовых-Курамышевых. О Мусаите нам практически ничего неизвестно. Однако его следует искать в ближайшем окружении хана Кучума или же во главе значительного родоплеменного объединения. Об этом мы можем судить по бракам его детей и внуков. Одна его внучка стала женой сибирского царевича Мухаммад-Кула б. Атаула [9, с. 103]. Другая внучка, Наг-салтан (Нагел), в первом браке была за неким Мамаем мирзой Семендеревым, вторым же браком она за касимовским царем Арсланом б. Али. Очень важен для нас тот факт, что известно упоминание царицы как Наг-сеид, что является указанием на ее принадлежность к роду пророка Мухаммада [9, с. 100]. Поэтому среди жен Карамыша Мусаитова следует искать дочь некоего сибир-

ского сеида. Во второй половине XVI в. это только бухарский выходец Дин-Али ходжа б. Мир-Али ходжа. О нем известно, что он приехал в Сибирь в 1574–1575 гг. и заменил здесь своего дядю Ярым сеида б. Алауддина на «посту» главы местного духовенства, и в том числе занимался правосудием. Хан Кучум выдал за него свою дочь от царицы Лилилак (Лилипак) Нал. Таким образом, Карамыш был женат на дочери сеида и внучке хана Кучума [28, с. 138–142]. Сын Мусаита, Карамыш, по косвенным данным являлся аталыком – воспитателем одного из сибирских царевичей, скорее всего, одного из многочисленных детей хана Кучума. На это указывает тот факт, что его сын, Исинея, иногда именуется имелдешем, то есть молочным братом [6].

Сам Карамыш так же в России не известен. Представители рода стали появляться в России в конце XVI в. Первым, по-видимому, был Бахтураз Карамышев, приходившийся шурином сибирскому царевичу Мухаммад-Кулу б. Атаулу. Он выехал в Россию вместе с женой последнего (своей сестрой) в 1586/87 г. Первоначально он, судя по всему, жил во дворе у царевича Мухаммад-Кула. Но через два года подал челобитную о верстании его помещным окладом и денежным жалованием²⁸. Ему назначили более чем значительный по тем временам для служилого мусульманина помещный оклад и годовое денежное жалование: 500 четей и 30 рублей соответственно²⁹. Следующей оказалась Нал-ханиша, теща Карамыша и дочь хана Кучума. В 1598 г. она в составе большой группы Кучумовичей попала в плен и была в 1599 привезена в Москву [2, с. 1–21].

Имелдеш Исинея Карамышев впервые упоминается в документах в связи с касимовским царем Ураз-Мухаммадом б. Онданом. По словам царя, при Борисе Годунове по его извету он «живот свой мучал» [31, с. 117]. Можно предположить, что истоки вражды между Ураз-Мухаммадом и Исинея Карамышевым лежат еще в событиях их сибирской жизни. Ее причины мы, скорее всего, никогда не узнаем. Но эти события сделали их врагами до самой смерти.

Испоместили мирзу, судя по всему в Мещере. Нам известно, что в 1613 г. ему с племянниками Изерепом Достокасимовым, Мустафаю Мамаевым, Сутеком Мусаитовым принадлежала вотчина с. Кусмор с деревнями и пустошами Кусморской волости Борисоглебского стана Касимовского уезда. Здесь же как поместье Исинею принадлежала д. Новая с деревнями и пустошами, пожалованная царем Василием Шуйским [14, с. 333]. Можно предположить, что в какой-то период Мусаитовым и их родственникам принадлежала вся волость. Иные поместья принадлежали мирзе в Темниковском, Шацком и Касимовском уездах. О некоторых из них прямо указывается, что они «старые». Однако степень их «старинности» установить не представляется возможным [14, с. 60, 71, 195, 241, 275]. У нас имеется возможность несколько конкретизировать владения рода в Кусморской волости. 3 июня 1632 г. вдова касимовского царя Арслана б. Али Наг-салтан Карамышева, дочь Мусаитова, сестра Исинея Карамышева, дала касимовскому (ростовскому?) служилому татарину Мустафе мирзе Мамаеву сыну Семендееву (ее сыну или пасынку от первого брака) 500 рублей в заклад выслуженной вотчины за московское осадное сиденье В. Шуйского, из его поместья, сельцо Бундово, Пенки тож, на речке Унже,

²⁸ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1589 г. Д. 24. Л. 1.

²⁹ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1622 г. Д. 4.

Федосеевский починок, деревни Большую и Меньшую Сабуровы с половиной пустоши Колодина, половиной пустоши Тарасовой, половиной пустоши Штетининой в Кусморской волости Борисоглебского стана Касимовского уезда (15 крестьянских и 16 бобыльских дворов, 113 с осьминою четей в одном поле). Летом 1634 г. вотчина перешла в собственность царицы. В деле имеется интересная дополнительная информация. Здесь приводится список с двух жалованных вотчинных грамот царя Михаила Федоровича: от 7 июня 1624 г. мирзе Мустафе Мамаеву сыну Семендереву на его выслуженную вотчину, жеребей сельца Пенки и список с жалованной вотчинной грамоты ему же от 7 июля 1624 г. на вотчину его тетки, вдовы Исенбек (выслуженная вотчина ее детей Яншея и Сейтека Мусаитовых), жеребей все того же сельца Пенки³⁰. Таким образом мы узнаем новые имена из клана Мусаитовых.

Мустафа Мамаев сын Семендерев приходился сыном сибирскому татарину Мамаю Семендереву. Маловероятно, что Наг-салтан Карамышева приходилась ему родной матерью, иначе его отмечали бы как сеида. Мамай Семендерев обладал более чем значительным статусом в Сибирском ханстве. Ведь в 1596/97 г. в России его испоместили на 535 четях из дворцовых земель в Сотемском стане Ростовского уезда (14 деревень с починками и пустошами). Однако в апреле 1603 г. данное поместье жалуетсЯ выезжему ногайскому мирзе Хозяшу Юсупову [3, с. 299–300]. Однако в 30-х гг. XVII в. данное поместье значится за его сыном Мустафой [31, с. 302]. Не является ли это движение поместных земель следствием ссоры Исинея Карамышева и Ураз-Мухаммада?

Мы столь подробно остановились на истории этой семьи для того, чтобы показать, что сибирские аталыки и их потомки после пленения «своего» Чингизида выезжали вслед за ним и в той или иной степени еще долгое время составляли некое единое целое с сибирскими Шибанидами, в том числе и путем заключения браков с ними. Столь прочны были эти связи.

Аталыки сибирских царевичей были очень уважаемы своими воспитанниками. Это подчеркивалось и их материальным содержанием. Так воспитатель сибирского царевича (затем касимовского царя) Арслана б. Али б. Кучума Келмамат аталык Агилдеев получил на свое содержание из поместий своего воспитанника деревни Шоста и Малые Пексёлы (231 чети) и 40 рублей годового жалования. По этим показателям он возглавлял список двора Чингизида. При сыне Арслана, Сеит-Бурхане, содержание аталыка несколько сократили, но он по-прежнему, хотя бы формально, входил в верхушку двора касимовского царевича [9, с. 239].

Имелись и иные аталыки сибирских Шибанидов в России. Об их значительном количестве говорит регулярное упоминание в документах имелдешей (молочных братьев). Однако имена воспитателей нам неизвестны. Причину этого следует видеть в том, что аталыки имели значение для внутренней структуры выезжих Чингизидов, но совсем не интересовали, за редким исключением, русские власти.

Прямых сведений о наличии аталыка у казахского царевича, затем касимовского царя Ураз-Мухаммада б. Ондана у нас не имеется. Однако им, скорее всего, являлся джалаирец Кадыр-Али бек [7].

³⁰ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Кн. 5980. Л. 493–516 об.

В результате династического конфликта осенью 1622 г. в Москве оказался Ургенчский малолетний царевич Авган-Мухаммад б. Араб-Мухаммад. Его сопровождали: аталык Исенбай мирза Авнашев сын Кайбузаманов с женою и еще 5 человек. Статус аталыка отчетливо виден на сравнении его поденного корма и корма остальных членов двора царевича. Дядька (аталык) Исенбайка получал на день 5 копеек, 3 чарки вина и две кружки меда. Его жене, мамке царевича, было положено 4 копейки, 2 чарки вина и 1 кружка меда. Остальным людям (6 человек) по 3 копейки, 2 чарки вина, а также на всех ведро пива и полведра меда. Когда с 1623 г. царевичу и его двору стали давать ежегодную дачу на платье, то Авган получал по 50, аталык – 12 рублей, остальным – по 6 рублей.

Но на воспитателя возлагали и всю ответственность за поведение его воспитанника. Не удовлетворяясь достаточно прохладной встречей царем Михаилом Федоровичем идеи похода на Ургенч, окружение молодого царевича, судя по всему, не теряло надежды кардинально изменить ее и свою судьбу. Остались следы их самостоятельной политической игры. В июне 1624 г. во дворе ургенчского царевича устроили обыск, в результате которого была обнаружена переписка с персидским шахом, Бухарой и Ургенчем, в которой упоминались «непригожие слова». Можно предположить, что «непригожими» были признаны жалобы на нежелание Михаила Федоровича оказать военную помощь царевичу. Тогда арестовали и привели к пытке дядьку и абыза царевича. После этого на дворе Авгана постоянно находился пристав. Мамку Анекаю не тронули, хотя, судя по документам, именно она, скорее всего, находилась в центре авантюры. Дядьку и абыза сослали в Новгород и Сольвычегорск соответственно, где они сидели по тюрьмам до 1627/28 г., после чего были выпущены на поселение. Вернуться в Москву аталык смог только весной 1633 г. Иных сведений об аталыке царевича мы не имеем [8].

Таким образом, мы наблюдаем аталыков при выездах Чингизидах. Однако в России их статус сохранялся только при дворах своих воспитанников, однако учитывался и Москвой при назначении жалования. Пока мы должны констатировать, что звание имелдеша здесь по непонятным причинам оказалось несколько выше. По крайней мере, служилые татары регулярно указывали на этот статус, если имели на него право.

Итоги

Таким образом, мы видим, что институт аталычества был более чем сложным и многогранным инструментом в борьбе ханов с главами подконтрольных им элей. Статус аталыка зиждился исключительно на личной преданности и привязанности воспитателя и воспитанника. Но эта связь была выгодна двум сторонам. Чингизид получал верного проводника своей политики, готового выполнить самое щекотливое его поручение. Воспитатель же автоматически повышал свой социальный, а вместе с ним и материальный статус, помогал родственникам сделать карьеру, а это в свою очередь помогало хану обуздать претензии родовых элит в принятии тех или иных дел.

Рассматриваемое нами явление не проходило на всем пространстве Дешт-и Кыпчака однотипно, но имело множество региональных особенностей. Поэтому становление и развитие института аталычества, рассмотренные нами по преимуществу на примере Крымского ханства, нельзя считать эта-

лонными и автоматически переносить их на иные территории. Хотя, конечно же, здесь имелись определенные общие черты. Со временем обнаружение новых документов и привлечение сведений о данном явлении в иных регионах помогут нам существенно дополнить получившуюся картину.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аветисян Р.Р.* Аталычество как система народного воспитания // Вестник Пятигорского Государственного лингвистического университета. 2003. № 4. С. 13–15.
2. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб.: Типография II-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1841. Т. II. 482 с.
3. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. М.: Археографический центр, 1997. Т. I. 432 с.
4. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. М.: Древлехранилище, 2002. Т. III. 680 с.
5. Аталыки // Советская историческая энциклопедия. М., 1961. Т. I. С. 915.
6. *Беляков А.В.* Исинея Карамышев сын Мусаитов. Неизвестный герой Смутного времени // Вестник Нижегородского университета им. Н.Н. Лобачевского. 2012 № 6. Ч. 3. С. 82–87.
7. *Беляков А.В.* Как звали большого сибирского карачу? // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских Западной Сибири. Курган: Издательство Курганского университета, 2014. С. 63–64.
8. *Беляков А.В.* Царевич Авган-Мухаммед ибн Араб-Мухаммед в России первой половины XVII в. // Тюркологический сборник: 2006. М.: Восточная литература 2007. С. 95–112.
9. *Беляков А.В.* Чингизиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань: Рязань. Мир, 2011. 512 с.
10. *Беляков А.В., Виноградов А.В.* «Дело Муслы аталыка». К истории военно-политического противостояния Речи Посполитой, Русского государства и Порты в период династического кризиса в Крыму в 1584–1588 гг. // Средневековые тюрко-татарские государства. 2014. №6 2014. С. 51–62.
11. *Виноградов А.В.* Русско-крымские отношения 1591–1593 гг.: от конфронтации к поискам мирных решений // Средневековые тюрко-татарские государства. 2014. №6. С. 18–50.
12. *Виноградов А.В.* Состав политической элиты Крымского ханства в 1560–1590-х гг. по материалам русской и польско-литовской посольской документации. // Восток (ORIENS) 2016. №5 С. 25–41.
13. *Гайворонский О.* Повелители двух материков. Киев; Бахчисарай: Оранта, Мастерная книга, 2007. Т. I. : Крымские ханы XV–XVI столетий и борьба за наследие Великой Орды. 368 с.
14. Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.). М.: Наука, 1994. 480 с.
15. *Зайцев И.В.* Судьба аристократа. Ак-Мухаммед-оглан и его сын Федор // Золотоордынское обозрение. 2013. №2. С 146–156.
16. Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государство короля Сигизмунда Августа (с 1545 по 1572 г.). Издана по поручению императорского Московского общества истории и древностей российских кн. М. Оболенским и проф. И. Даниловичем. М.: Университетская типография, 1843. 510 с.
17. *Косвен М.О.* Аталычество // Советская этнография. 1935. № 2.
18. *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией: вторая половина XVI – 30-е годы XVII века. М.: Издательство Академии наук СССР. 1963. 372 с.

19. *Максудов А.* Крымские ханы и черкесские князья // Генеалогический вестник. 2002. Вып. 7. С. 25–37.
20. *Маслюженко Д.Н.* Тюркские группы в кочевьях Кучумовичей в южном Зауралье в 1600-е г. // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. №3. С. 5–10.
21. *Матвеев А.В., Татауров С.Ф.* Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории. Казань: ФЭН, 2012. 260 с.
22. Материалы по истории Башкирской АССР. М.; Л.: Академия наук СССР, 1936. Ч. I. 632 с.
23. Полное собрание русских летописей. Т. 20: Львовская летопись. М.: «Языки славянских культуры», 2005. 704 с.
24. Посольская книга по связям Московского государства с Крымом 1567–1572 гг. М.: Русские витязи, 2016. 400 с.
25. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. Казань: Татарское книжное издательство, 2006. 391 с.
26. *Почекаев Р.Ю.* Чингизово право: правовое наследие Монгольской империи в тюрко-татарских ханствах и государствах Центральной Азии (Средние века и Новое Время). Казань: Татарское книжное издательство, 2016. 311 с.
27. Русский Архив Яна Сапеги 1608–1611 годов. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2012. 688 с.
28. *Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Белич И.В.* Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального. М.: Марджани, 2009. 216 с.
29. *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. М.: Рубежи XXI, 2005. Т. I. 542 с.
30. Статейный список Московского посланника в Крым И. Судакова в 1587–1588 гг. С предисловием Ф.Ф. Лашкова // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1891. №14. С. 43–80.
31. *Стрельников С.В.* Землевладение в Ростовском крае в XIV – первой трети XVII века. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2009. 360 с.

Сведения об авторах: Андрей Васильевич Беляков – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра истории русского феодализма Института российской истории Российской академии наук (117036, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, Москва, Российская Федерация). E-mail: belafeb@gmail.com

Александр Вадимович Виноградов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра Россия в международных отношениях Института российской истории Российской академии наук (117036, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, Москва, Российская Федерация). E-mail: avinogradov1957@yandex.ru

Максим Владимирович Моисеев – кандидат исторических наук, научный сотрудник Учебно-научного центра социокультурных проектов Отделения социокультурных исследований Российского государственного гуманитарного университета (125993, Миусская площадь, д. 6, Москва, Российская Федерация); заведующий сектором ГБУК г. Москвы «Музейное объединение «Музей Москвы», **ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0421-8982>, ResearcherID: E-1622-2016** (119021, Зубовский бульвар, д. 2, Москва, Российская Федерация). E-mail: maksimoiseev@yandex.ru

Поступила 2.02.2017

Принята к публикации 15.05.2017

Опубликована 30.06.2017

**INSTITUTION OF ATALYKSHIP
IN THE POST-GOLDEN HORDE WORLD***A.V. Belyakov*^{1a}, *A.V. Vinogradov*^{1b}, *M.V. Moiseev*²¹ *Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation*^a *belafeb@gmail.com*^b *avinogradov1957@yandex.ru*² *Department of Socio-Cultural Research
of the Russian State University for the Humanities
Moscow, Russian Federation
maks-moisee@yandex.ru*

Research objective: To study the institution of atalykship in the Crimean, Siberian and Kazan khanates and the Nogai Horde.

Research materials: Published and unpublished sources: books of official orders in the Russian state, chronicles, acts, diplomatic documents, archaeological data, etc.

Results and novelty of the research: Up to now the institution of atalykship has not been practically studied. The authors attempted to consider this phenomenon on the example of the Crimean, Siberian and Kazan khanates and the Nogai Horde. Evidence of the presence of atalyks in the service of the Chinggisids in Russia was also taken into account.

The authors managed to show that atalyks represented a complex and multifaceted tool in the struggle of the khans with the heads of the els (clans) they controlled. The status of atalyk was based solely on the personal loyalty and affection between the educator and educatee. However, this relationship was beneficial to both sides. A Chinggisid received the faithful conductor of his policy, ready to fulfill his most delicate mission. For his part, the tutor automatically raised his social and material status and helped his relatives' careers. This, in turn, helped the khan to curb the claims of clan elites.

The phenomenon under consideration had many regional features throughout the entire Desht-i Kipchak's space. We consider the emergence and development of the institution of atalykship on the example of the Crimean khanate. However, this example can not be considered standard. It can not be automatically applied to other territories. Over time, new documents will be found. This will substantially supplement information on this phenomenon in other regions.

Keywords: Russian state in the 16th–17th century, Crimean khanate, Siberian khanate, Kazan khanate, Nogai Horde, atalyk, Chinggisids

For citation: Belyakov A.V., Vinogradov A.V., Moiseev M.V. Institution of Atalykship in the Post-Golden Horde World. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 2, pp. 412–436. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.412-436

REFERENCES

1. Avetisyan R.R. Atalychestvo kak sistema narodnogo vospitaniya [Atalykship as a System of Public Education]. *Vestnik Pyatigorskogo Gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of Pyatigorsk State Linguistic University]. 2003. No. 4, pp. 13–15. (In Russian)

2. *Akty istoricheskie, sobrannyye i izdannyye Arkheograficheskoyu komissieyu* [Historical Acts Collected and Published by the Archaeographic Commission]. St. Petersburg,

Tipografiya II-go Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. Kantselyarii, 1841. Vol. II. 482 p. (In Russian)

3. *Akty sluzhilykh zemlevladel'tsev XV – nachala XVII veka* [Acts of Serving Landowners of the 16th – early 17th centuries]. Moscow, Arkheogra-ficheskiy tsentr, 1997. Vol. I. 432 p. (In Russian)

4. *Akty sluzhilykh zemlevladel'tsev XV – nachala XVII veka* [Acts of Serving Landowners of the 16th – early 17th centuries]. Moscow, Drevlekhрани-lishe, 2002. Vol. III. 680 p. (In Russian)

5. Atalyki [Atalyks]. *Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya* [Soviet Historical Encyclopedia]. Moscow, 1961. Vol. I, p. 915. (In Russian)

6. Belyakov A.V. Isiney Karamyshev syn Musaitov. Neizvestnyy geroy Smutnogo vremeni [Isiney Karamyshev, Son of Musait. Unknown Hero of the Time of Troubles]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.N. Lobachevskogo* [Bulletin of N.N. Lobachevsky University of Nizhny Novgorod]. 2012. No. 6. Part 3, pp. 82–87. (In Russian)

7. Belyakov A.V. Kak zvali bol'shogo sibirskogo karachu? [What Was the Name of the Great Siberian Karachu?]. *Istoriya, ekonomika i kul'tura srednekovykh tyurko-tatarskikh gosudarstv Zapadnoy Sibiri* [History, Economics and Culture of Medieval Turkic-Tatar States in Western Siberia]. Kurgan, Kurgan State University Publ., 2014, pp. 63–64. (In Russian)

8. Belyakov A.V. Tsarevich Avgan-Mukhammed ibn Arab-Mukhammed v Rossii pervoy poloviny XVII v. [Tsarevich Avgan-Muhammed ibn Arab-Muhammed in Russia in the first half of the 17th century]. *Tyurkologicheskiy sbornik. 2006* [Turkological Collection. 2006]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2007, pp. 95–112. (In Russian)

9. Belyakov A.V. *Chingizidy v Rossii XV–XVII vekov: prosopograficheskoe issledovanie* [The Chinggisids in Russia of the 15th–17th centuries: Prosopographic Research]. Ryazan, Ryazan. Mir Publ., 2011. 512 p. (In Russian)

10. Belyakov A.V., Vinogradov A.V. «Delo Musly atalyka». K istorii voenno-politicheskogo protivostoyaniya Rechi Pospolitoy, Russkogo gosudarstva i Porty v period dinasticheskogo krizisa v Krymu v 1584–1588 gg. [The “Case of Atalyk Musla”. To the History of the Military-Political Confrontation of the Rzeczpospolita, the Russian State and the Porte during the Dynastic Crisis in the Crimea in 1584–1588]. *Srednekovyye tyurko-tatarskie gosudarstva* [Medieval Turkic-Tatar States], 2014. No. 6, pp. 51–62. (In Russian)

11. Vinogradov A.V. Russko-krymskie otnosheniya 1591–1593 gg.: ot konfrontatsii k poiskam mirnykh resheniy [Russian-Crimean Relations in 1591–1593: From Confrontation to the Search for Peaceful Solutions]. *Srednekovyye tyurko-tatarskie gosudarstva* [Medieval Turkic-Tatar States], 2014. No. 6, pp. 18–50. (In Russian)

12. Vinogradov A.V. Sostav politicheskoy elity Krymskogo khanstva v 1560–1590-kh gg. po materialam russkoy i pol'sko-litovskoy posol'skoy dokumentatsii [Composition of the Political Elite of the Crimean Khanate in the 1560–1590's: Based on the Materials of Russian and Polish-Lithuanian Ambassadorial Documentation]. *Vostok (ORIENS)*. 2016. No. 5, pp. 25–41. (In Russian)

13. Gayvoronskiy O. *Poveliteli dvukh materikov* [The Overlords of the Two Continents]. Kiev; Bakhchisaray: Oranta, Maysternaya kniga, 2007. Vol. I.: Krymskie khany XV–XVI stoletiy i bor'ba za nasle-die Velikoy Ordyy. 368 p. (In Russian)

14. *Dokumenty Pechatnogo prikaza (1613–1615 gg.)* [Documents of the Seal Order (1613–1615)]. Moscow, Nauka Publ., 1994. 480 p. (In Russian)

15. Zaytsev I.V. Sud'ba aristokrata. Ak-Mukhammed-oglan i ego syn Fedor [Destiny of a Nobleman: Aq-Muhammad-oglan and His Son Fedor]. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2013. No. 2, pp. 146–156. (In Russian)

16. *Kniga posol'skaya Metriki Velikogo knyazhestva Litovskogo, sodержashchaya v sebe diplomatische snosheniya Litvy v gosudarstvovanie korolya Sigizmunda Avgusta (s 1545 po 1572 g.)* [Ambassadorial Book of the Metric of the Grand Duchy of Lithuania, Which Contains Diplomatic Relations of Lithuania during the Reign of King Sigismund

Augustus (from 1545 to 1572)]. Izdana po porucheniyu imperatorskogo Moskovskogo obshchestva istorii i drevnostey rossiyskikh kn. M. Obolenskim i prof. I. Danilovichem. Moscow, Universitetskaya tipografiya, 1843. 510 p. (In Russian)

17. Kosven M.O. Atalychestvo [Atalykship]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. 1935. No. 2. (In Russian)

18. Kusheva E.N. *Narody Severnogo Kavkaza i ikh svyazi s Rossiey: vtoraya polo-vina XVI – 30-e gody XVII veka* [Peoples of the Northern Caucasus and Their Relations with Russia: the second half of the 16th century – the 1630s]. Moscow, Akademiya Nauk SSSR Publ., 1963. 372 p. (In Russian)

19. Maksudov A. Krymskie khany i cherkesskie knyaz'ya [Crimean Khans and Circassian Princes]. *Genealogicheskiy vestnik* [Bulletin of Genealogies]. 2002. Is. 7, pp. 25–37. (In Russian)

20. Maslyuzhenko D.N. Tyurkskie gruppy v kochev'yakh Kuchumovichey v yuzhnom Zaural'e v 1600-e g. [Turkic Groups in the Nomadic Camps of the Kuchumoviches in Southern Trans-Urals in the 1600s]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University]. 2016. No. 3, pp. 5–10. (In Russian)

21. Matveev A.V., Tataurov S.F. *Sibirskoe khanstvo: voenno-politicheskie aspekty istorii* [Siberian Khanate: Military and Political Aspects of History]. Kazan, Fen Publ., 2012. 260 p. (In Russian)

22. *Materialy po istorii Bashkirskoy ASSR* [Materials on the History of the Bashkir ASSR]. Moscow, Leningrad, Akademiya Nauk SSSR Publ., 1936. Part I. 632 p. (In Russian)

23. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 20. *L'vovskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. The Lvov Chronicle]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tury, 2005. 704 p. (In Russian)

24. *Posol'skaya kniga po svyazyam Moskovskogo gosudarstva s Krymom 1567–1572 gg.* [Ambassadorial Book on the Relations of the Moscow State with the Crimea in 1567–1572]. Moscow, Russkie vityazi, 2016. 400 p. (In Russian)

25. *Posol'skie knigi po svyazyam Rossii s Nogayskoy Ordoy. 1551–1561 gg.* [Ambassadorial Books on Russia's Relations with the Nogai Horde. 1551–1561]. Kazan, Tatarskoe knizhnoe Publ., 2006. 391 p. (In Russian)

26. Pochekaev R.Yu. *Chingizovo pravo: pravovoe nasledie Mongol'skoy imperii v tyurko-tatarskikh khanstvakh i gosudarstvakh Tsentral'noy Azii (Srednie veka i Novoe Vremya)* [The Law of Chinggis: The Legal Heritage of the Mongol Empire in the Turkic-Tatar Khanates and the States of Central Asia (Middle Ages and New Time)]. Kazan, Tatarskoe knizhnoe Publ., 2016. 311 p. (In Russian)

27. *Russkiy Arkhiv Yana Sapegi 1608–1611 godov* [The Russian Archive of Jan Sapieha of 1608–1611]. Volgograd: Izd-vo Volgograd-skogo filiala FGBOU VPO RANKhiGS, 2012. 688 p. (In Russian)

28. Seleznev A.G., Selezneva I.A., Belich I.V. *Kul't svyatykh v sibirskom islame: spetsifika universal'nogo* [The Cult of Saints in Siberian Islam: The Specificity of the Universal]. Moscow, Mardzhani, 2009. 216 p. (In Russian)

29. Smirnov V.D. *Krymskoe khanstvo pod verkhovnstvom Otomanskoy Porty do nachala XVIII veka* [The Crimean Khanate under the Supremacy of the Ottoman Porta until the beginning of the 18th century]. Moscow, Rubezhi XXI, 2005. Vol. I. 542 p. (In Russian)

30. Stateynny spisok Moskovskogo poslannika v Krym I. Sudakova v 1587–1588 gg. S predisloviem F.F. Lashkova [Diplomatic Reports of I. Sudakov, the Moscow Envoy to the Crimea in 1587–1588. With a foreword by F.F. Lashkov]. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii* [Proceedings of the Tauride Scientific Archival Commission]. Simferopol, 1891. No. 14, pp. 43–80. (In Russian)

31. Strel'nikov S.V. *Zemlevladienie v Rostovskom krae v XIV – pervoy treti XVII veka* [Land Tenure in the Rostov Region in the 14th – first third of the 17th centuries]. Moscow, St. Petersburg, Al'yans-Arkheo, 2009. 360 p. (In Russian)

About the authors: Andrey V. Belyakov – Cand. Sci. (History), Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (19, Dmitry Ulyanov Str., Moscow 117036, Russian Federation). E-mail: belafeb@gmail.com

Aleksandr V. Vinogradov – Cand. Sci. (History), Senior scientific employee, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (19, Dmitry Ulyanov Str., Moscow 117036, Russian Federation). E-mail: avinogradov1957@yandex.ru

Maksim V. Moiseev – Cand. Sci. (History), Head of the Department of scientific and educational work, Museum of Moscow; Research fellow, Department of Socio-Cultural Research, Russian State University for the Humanities, **ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0421-8982>, ResearcherID: E-1622-2016** (2, Zubovsky Bulvar, Moscow 119021, Russian Federation). E-mail: maksimoiseev@yandex.ru

Received February 2, 2017

Accepted for publication May 15, 2017

Published June 30, 2017